Звездное небо над Потылихой

Когда в начале 80-х я училась во ВГИКе, имя Александра Панкратова было как-то очень на слуху в институте. Как раз накануне вышла его картина «Портрет жены художника», которую народ смотрел с большим интересом. Лирическая мелодрама, душевная история, хорошие актеры...

Сегодня Панкратов («Портрет жены художника», «Счастливая, Женька!», «Проделки в старинном духе», «Прощай, шпана замоскворецкая...», «Борода в очках и бородавочник» и др.) возвращается к своей давней идее поставить рок-оперу «На дне». Нашумевший во ВГИКе конца 70-х годов его диплом как раз и был короткометражным кино-наброском к всемирно известной горьковской пьесе.

– Чем Вы живете сейчас?

– Всюду показываю свою картину «Борода в очках и бородавочник». Разослал кассеты на заграничные фестивали, но нет средств ехать туда. Хотя, судя по отзывам членов различных киноклубов, мы сделали нестыдную картину.

Ищу продюсера для новой работы, не могу больше заниматься всем один. Тяжело. Тем более, на таком большом проекте, как «На дне». Уже дал согласие композитор Алексей Рыбников, согласился писать либретто Евгений Евтушенко. А это счастье, заявка на высокий уровень.

– Эти две фамилии, думаю, должны привлечь внимание продюсеров.

– Да. Но не инвесторов. Многие при имени пролетарского писателя сильно напрягутся. Не любят нашего талантливого Алексея Максимовича! Цензура всегда есть, как и власть всегда есть. Когда свергают одну власть, приходит новая, с неожиданной стороны...

Сейчас выпрашиваю государственные деньги. Либретто у нас пока нет. Есть пьеса, есть Евтушенко с Рыбниковым, есть 25-минутный диплом 1978 года, с вещим подзаголовком «наброски к фильму». Думаю, пришло время взяться. На памяти, кстати, история с защитой. Тогда наш ректор в страхе топал ногой и кричал: «Отменить защиту! Что за безобразие?! Что сделали с великим пролетарским писателем!». Но встали мощные авторитеты: Глеб Панфилов, Станислав Ростоцкий, Джемма Фирсова, Евгений Сурков, главный редактор «Искусства кино».

– Большая артиллерия. Вы были ею защищены.

– По этому поводу даже собирали конференцию педагогов ВГИКа в большом зале. Серьезное дело. В 1978 году советскому народу показали рок-оперу! Под штангу! Да еще и не в чистом виде, а нахально сплетенную с «Трехгрошовой оперой» Брехта, со стихами Беранже, с Маяковским, с надрывным, наркотическим, рвущим на себе рубаху роком.

– Прошло 24 года. Вы знали, что вновь вернетесь к этому материалу?

– Мне предлагал это сделать еще Филипп Тимофеевич Ермаш, но я тогда отказался. Как раз накануне в Карловых Варах я получил за «Портрет жены художника» приз «За лучший дебют кинематографистов всех стран и континентов».

– Красивое начало...

– А до этого был приз «За лучший короткометражный фильм». Его удостился мой дебют по сценарию Валентина Черныха «Лаборатория». Мне завидовали...

– Вы приступаете к своему новому проекту сейчас, когда в Москве просто бум мюзиклов...

– Мы хотим сделать не мюзикл, а рок-оперу. Это совершенно другая фактура, экспрессивная, тяжелая.

– Да, рисковое дело Вы себе наметили. Сейчас условное кино у нас не в чести, да и традиций больших нет. Сейчас почитается беллетристика, сюжет, крутые реалистические характеры, а Вы предлагаете что-то весьма радикальное.

– Я себе когда-то дал такое задание: сначала снимаю очень реалистическое кино, потом условное, жанровое, потом опять реалистическое, почти документальное, потом опять жанровое... Так оно примерно и было.

– Как Вам удавалось придерживаться этой программы? Вы всегда так точно прогнозируете ситуацию?

– Всегда хочется чего-то иного. После лирического «Портрета жены художника» – натуралистическая, с больничным кафелем и мерцающими лампами «Счастливая, Женька!». Затем стилизованная комедия «Проделки в старинном духе» и натуралистическая «Шпана замоскворецкая». Маятник качается примерно в таком режиме. А фильм «Ядерная принцесса» – это вообще отлет от жизни полный. Это история о прекрасных молодых людях, у которых есть все, кроме будущего, поскольку встретились они и влюбились друг в друга в радиоактивной зоне. Рассказываю сюжет, потому что фильм никто не видел. Как раз с «Ядерной принцессы» у меня началась другая жизнь – снималась эта картина на деньги, взятые в кредит в банке. Я ночи не спал, было страшно: все-таки миллион советских рублей. Но всё получилось – на картине я заработал 600 процентов. Правда, к тому времени на эти 6 миллионов можно было купить только пару хороших ботинок.

Потом, лет с десяток, со мной вообще не хотели серьезно разговаривать. Только два слова: «Денег нет». Было много лжи и красивого демократического пафоса. На самом же деле идея у этих людей была одна – набить карманы. Я даже не говорю о ком-то персонально, я говорю обо всем нашем киносообществе. Жадность погубила очень многих.

Прежде мы завоевывали право на постановку. Провалил картину, бездарен – не подходи, не дадут больше снимать. Строго было. А тут – снимают все, кому не лень. Не имея ни образования, ни дебюта, ни вообще никакого на то права.

– И это продолжается до сих пор?

– Нет, явные перемены к лучшему. Мне дали возможность снять фильм. А то за эти годы я стал вообще – «дитя улиц». У меня было долгое замечательное путешествие по улицам. Я продавал женские сапоги, развозил по Садовому кольцу кокосовое печенье, пиво.

– И Ваше режиссерское самолюбие при этом никак не было уязвлено? Вы адекватно реагируете на превратности судьбы?

– Я понимал, что начался форс-мажор. Для меня это была возможность изучения жизненного материала. Я хотел открыть клуб, пришла в голову идея: в подвале, в студийных декорациях, сделать клуб, а наверху открыть маленький магазинчик и, как Мельес в старости, продавать игрушки и всякие забавные мелочи. Но ничего из этой затеи не получилось. Был страшный знак судьбы...

– Какой?

– Не хочу вызывать образ...

– И как вы его прочли?

– «Займись своим делом». И тогда я сел и написал сценарий «Борода в очках и бородавочник». О тех, кто в поисках счастья уехал на Запад. Мне вообще очень не нравится, что в последние годы взяли моду предавать всё и вся.

– Сейчас жизнь, похоже, повернулась к Вам лицом? Вы возвращаетесь к своей давней идее. Я Вас поздравляю.

– Мне сейчас нужно найти настоящего продюсера. Только это.

– При сегодняшней ситуации, когда уже сложились определенные зрительские пристрастия, как Вы прогнозируете интерес к своей будущей картине?

– Я думаю, это будет интересно зрителю. Здесь сюжет как в «Гамлете» у Шекспира: жена убивает мужа при помощи любовника, а сейчас у нас ежегодно 10 тысяч женщин сидят в тюрьмах за убийство своих мужей. Главный герой – вор, фигура для России одиозная. Миллион двести тысяч сидят в тюрьмах.

– Трагическая тема, очень всем понятная, очень наша, российская, персонажи яркие, выразительные. От вашей будущей рок-оперы мы можем ожидать вполне зрительского кино.

– В моем дипломе есть момент, когда выходит герой – солдат первой мировой войны и под барабанный бой поет: «Один человек – и помощи нет! Один человек – и помощи нет!». По-моему, это очень современно. Это про нас.

– Ваши картины такие разные. А есть среди них любимая?

– «Прощай, шпана замоскворецкая...». Вся, от начала до конца, она сделана как бы по указке сверху. Как будто помогал кто-то. Когда я ее снимал, у меня всё получалось.

– Вы довольны своей судьбой?

– «Шпана замоскворецкая» у меня уже есть. Думаю, эта картина стоит целой жизни. И никто ее не отнимет. Теперь я спокоен. Понимаете меня?

– Понимаю. А как Вы выбрали кино?

– В семилетнем возрасте я попал в дом своего дяди, знаменитого кинооператора Эдуарда Тиссэ. Квартира была удивительная: мексиканские ковры, дарственные фотографии знаменитостей, автографы Гриффита, Чаплина, Диснея. Судьба была предрешена – я захотел стать оператором, я захотел работать в кино. А вообще я был мечтательный мальчик. Мне нравилось часами созерцать жизнь за окном, движение облаков, слушать пенье птиц, первые капли дождя. И при этом я плохо учился. И однажды моя тетка, жена великого Тиссэ, сказала решительно: «Ты плохо учишься, позоришь семью Тиссэ. Уходи». Мне было очень горько это слышать. Я надел пальто, ушанку, варежки и вышел на ночную улицу. Это была Потылиха. Сперва я решил умереть на крыше дровяного сарая. Но умирать было скучно, и я пошел куда-то, ушел очень далеко.

И этот морозный вечер одарил меня, маленького провинциала, сводом бесконечных небес, мерцающих бесчисленными звездами, одарил гигантской, бесконечной Москвой, блещущей бессчетными огнями. И я был потрясен этой сияющей вселенной. Во мне произошел какой-то взрыв. Я пережил мгновенное превращение в моей душе самого горького отчаяния в некую противоположность, в неслыханное ликование и праздник. И всё изменилось в моей жизни. Учиться стало легко, все стали относиться ко мне с непонятным уважением. Позже я понял, что это было. Это было чувство возвышенного.

– Это чувство окрылило Вас тогда, в детстве, и несет по жизни по сию пору?

– В этот вечер тетка выковала из меня режиссера. Я понял, что нужен «форсаж», особое сверхнапряжение, чтобы написать хороший сценарий, снять хороший фильм и вообще, чтобы жить дальше. Сейчас пока копим силы.

– Наверное, Вы прошли сейчас как раз свою дозу перегрузки, и вот-вот– старт?

– Надо выстрелить мощной картиной.

– Вы прошли многое, вам ничего не страшно. Мне кажется, у вас все получится.

Татьяна НЕМЧИНСКАЯ